

С.Б. Брилёв

**ОПЕРАЦИЯ «ОРАНЖ».
ЗАГАДОЧНЫЕ ИСПАНЦЫ – УЧАСТНИКИ
АНГЛО-СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ СХЕМЫ
«ЛЕДОРУБ» В 1943 г.**

Аннотация. Статья посвящена советским агентам, отправленным в Испанию в 1943 г. по схеме «Ледоруб», осуществляемой Разведывательным управлением советского НКВД и британским Управлением специальных операций.

Ключевые слова: СССР; Великобритания; НКВД; УСО; Испания; Коминтерн.

Брилёв Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора телеканала «Россия», ведущий программы «Вести в субботу» (телеканалы «Россия-1» и «Россия-24»), Москва. E-mail: sbrilev@yahoo.com

S.B. Brilev. Operation «Orange». Spaniards Participating in the Anglo-Soviet Intelligence and Sabotage Scheme «Pickaxe» in 1943

Abstract. The article identifies Soviet agents sent to Spain in 1943 within the «Pickaxe» scheme carried out by the intelligence branch of Soviet NKVD and Britain's Special Operations Executive.

Keywords: USSR; Britain; NKVD; SOE; Spain; Comintern.

Brilev Sergey Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director and Anchor of the TV Channel «Russia», Host of the Program «Vesti on Saturday» (TV Channels «Russia-1» and «Russia-24»), Moscow. E-mail: sbrilev@yahoo.com

По советским паспортам, которые они предъявили британским иммиграционным властям, их звали «Михаил Белов», «Антон Марсов» и «Иван Русаков».

Однако, во-первых, в Лондоне сразу поняли, что это никакие не славяне, а выходцы с Пиренейского полуострова. Ровно это следует из характеристик,

составленных во время их пребывания в Англии британской спецслужбой, которая именовалась *SOE, Special Operations Executive*¹ (в российской историографии – УСО, Управление специальных операций; в документах НКВД / НКГБ – «Секта» [3, с. 286]). Не так давно эти характеристики рассекречены британскими Национальными архивами (*The National Archives, TNA*).

Про 27-летнего «Михаила Белова» в *SOE* написали, что он «испанский француз с ярко выраженным испанским акцентом; возможно, баск; жизнерадостный, болтливый» [50; 51; 45, р. 85; 44, р. 136]. В 28-летнем «Антоне Марсове» разглядели «возможно испанца, но хорошо владеющего французским и имеющего родственников во Франции». «Веселый, общительный» 30-летний «Иван Русаков» был описан «маленьким, чернявым, похожим на испанца; владел лишь азами французского или русского» [51; 44, р. 136].

Во-вторых, в *SOE* знали с самого начала, что все прибывшие – не просто не славяне, а испанцы и советские агенты. Однако их пустили в страну. Тому, как это могло произойти, кто на самом деле были эти люди и что этому предшествовало, посвящена данная статья.

Схема «Ледоруб»

Эта загадочная тройка – часть списка из *трех десятков* советских агентов, которых можно описать как «нелегалы наоборот», в смысле не иммигранты-«нелегалы», а «нелегалы»-разведчики. Они были не русскими, вжившимися в образ иностранцев, а выходцами из Австрии, Германии, Польши, Франции и других европейских стран, въезжавшими в Соединенное Королевство по паспортам, выписанным московскими ОВИРаи.

Все они были привлечены к целой *схеме* по переброске советских агентов через Британию на европейский континент. Такая схема (в британских документах она проходит как «*Pickaxe*») была согласована в августе 1941 г. политической разведкой советского НКВД и *SOE* [9, с. 663]. Ничего подобного между Москвой и Лондоном не было ни до, ни после, но в суровую годину войны, когда встал вопрос о дальнейшем независимом существовании

1. *SOE* появилось в результате слияния трех секретных подразделений, существовавших ранее. До этого в лондонском «Электра-Хаус» (EH) уже работал «Департамент-EH», созданный после аншлюса Австрии в 1938 г. для ведения пропаганды. «Секрет интеллигентс сервис» создала Секцию D с целью исследования возможностей саботажа, пропаганды и прочих вспомогательных средств для ослабления противника, Военное министерство – службу, призванную исследовать возможности партизанской войны (параллельно с которой существовала и служба, занимавшаяся как заброской агентов, так и вывозом из оккупированной Европы разведчиков и VIP-персон). Окончательно *SOE* была сформирована уже при Черчилле летом 1940 г. [см.: 34; 42, р. 88; 44, р. 10; 45, р. 5].

наших народов, мы пошли на беспрецедентный шаг, наладив сотрудничество не только вооруженных сил, но и спецслужб. Это – поистине самоценный эпизод. В рамках договоренностей SOE и НКВД советские «нелегалы наоборот» проходили в Англии через дополнительные курсы по парашютным прыжкам, радиodelу и т.п. После этого их переправляли в Австрию и Бельгию, Италию и Нидерланды, Францию и Германию, другие страны. В 1941–1942 гг. отдельно взятые операции чаще всего обозначали по названиям напитков (белое вино «Сотерн», «Ром», «Кофе», «Виски» и др.).

До недавнего времени в российских источниках встречались только самые скудные намеки и только самые поверхностные описания этой схемы [см., напр.: 2, 3; 9; 10; 11; 13; 14; 30]. Да и на Западе отголоски этой «саги» звучали как факультативный сюжет – в мемуарах ветеранов спецслужб или в исследованиях по истории SOE [34; 38; 42; 43; 47]. По образному выражению автора первой научной монографии об этом эпизоде Донала О’Салливана, в холодную войну Лондон и Москва «как опозорившиеся любовники предпочли замести этот эпизод под ковер». Еще он добавил: «Так, как если бы они были незаконнорожденными детьми, агенты исчезли из поля зрения» [45, р. 2]. Однако с тех пор, как в последние два десятилетия в ТНА в лондонском Кью были рассекречены соответствующие документы британских спецслужб, эта история действительно стала предметом уже намного более детальных и нюансированных исследований (правда, до поры до времени только западных авторов) [30; 40; 44; 45; 52].

Тем не менее в 2017–2018 гг. автор этой статьи и его английский коллега Бернард О’Коннор первыми сопоставили западные документы с документами из фонда Коминтерна в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В результате нашла подтверждение версия о том, что большая часть советских агентов – участников схемы «Рискахе» были не кадровыми сотрудниками разведки НКВД / НКГБ или разведуправления Красной армии, а завербованными агентами из числа коминтерновцев. Предварительные результаты наших исследований были оформлены в серию журнальных статей [5; 6; 7; 8] и специальных репортажей для телеканалов «Россия-1» и «Россия-24».

Публикация этих материалов была анонсирована, во-первых, на научном и медиасеминаре «Сотрудничество советских и британских спецслужб в годы Второй мировой войны», который прошел 10 мая 2018 г. в московском Доме журналиста с приглашением ученых, представителей СМИ, а также аккредитованных в Москве дипломатов и военных атташе из Британии, Испании и Франции. Во-вторых, 14 сентября 2018 г. в МГИМО на Международной научной конференции «Советско-испанские отношения в период Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.» [26 а]. Стоит особо подчеркнуть, что в числе соорганизаторов конференции была и Ассоциация республиканской

авиации (ADAR – Associació d'Aviadors de la República, Барселона), которая сегодня объединяет потомков тех, кто учился на пилотов советских самолетов в СССР. К президенту этой ассоциации, Акилино Мате Миеру, мы еще вернемся отдельно.

Всё это привело к тому, что в Службе внешней разведки России (СВР) в свою очередь пришли к пониманию того, что необходимо, как там выразились, «передать гласности» материалы об этой схеме, имеющиеся и там у СВР.

Результатом «гласности» стала недавняя книга об отдельно взятых операциях схемы «Рискахе» 1941–1942 гг. [4]. Данная статья – первая попытка заглянуть и в следующий, 1943 г. Впрочем, сначала – дополнительные штрихи к периоду 1941–1942 гг.

Испанский след

Так или иначе большинство участников схемы «Рискахе» были связаны с Испанией. Из 15 советских агентов, готовившихся к переброске через Британию в 1941–1942 гг., без малого девять либо отвоёвывали в составе Интербригад, либо служили в организованной Коминтерном паровой компании «Франс Навигасьон», которая везла в Испанию советское оружие, а позже вывезла из Испании золотой запас Республики.

Обратим внимание прежде всего на тех, кто впервые попал в объектив московских спецслужб именно на «испанском направлении» и был привлечен к работе на них.

Начнем с такой участницы операции «Ром», как французская коммунистка Франсин Фромон, которая с началом войны прошла дополнительные курсы в спецшколе Коминтерна в Кушнаренково в Башкирии [16, с. 119–120], затем была переброшена через Англию под Монпелье и героически погибла в застенках коллаборационистов Виши. Единственная запись из ее биографии в фонде Коминтерна (о том, что в апреле 1938 г. она была освобождена от своих предыдущих обязанностей в партаппарате «в связи с характером той работы, которую она вела с т. Алларом» [22, л. 20–21]) позволила – «потянуть ниточку». Упомянутый «Пьер Аллар» – псевдоним Джулио Черетти. Ставший после войны депутатом итальянской Конституционной ассамблеи, министром в недолго просуществовавшей коалиции итальянских христианских демократов и коммунистов (1947) [1, с. 170, 221, 225], а под конец жизни еще и сенатором Итальянской республики [32, р. 208], в 1930-х годах именно он возглавлял ту самую компанию «Франс Навигасьон» [35, р. 315]. Как следует из справки в ее личном деле в РГАСПИ, именно под началом «Аллара» Франсин Фромон получила «навыки конспиративной работы» [24, л. 20]. В материалах мемориального портала французского Сопротивления это называется «несколькими деликатными миссиями» (plusieurs missions délicates) [33].

Таким образом, Фромон можно назвать подручной курьерско-разведывательной службы Коминтерна, известной как ОМС, Отдел международных связей.

Еще один пример, в отношении которого не требуется даже применять каких-либо допусков, – это известный по картотеке СВР как «капитан» Франц Лёшль. Участник операции «Виски», он погиб в 1942 г. в горах Германии во время выполнения спецзадания, направляясь в родную Австрию. Но до войны он был одним из «нелегалов наоборот». Из СССР в Испанию он выехал 23 ноября 1936 г. [21, л. 12]. Из его автобиографии: «В декабре 37 получил командировку в Барселону: Servicio Investigación Militar (государственная безопасность)»; «В январе 38 получил командировку в советскую дипмиссию в Барселоне: С июня-июля был в спецшколе (Escuela especial)». В отчете Франца Лёшля о его пребывании в Испании особо оговаривалось: «Подтвердить работу в Испании может МИХАЙЛОВИЧ ОРЛОВ» [21, л. 38–40]. Странность в этой цитате из дела Лёшля в РГАСПИ очевидна: наличествуют отчество и фамилия «поручителя», но нет его имени. Речь идет, конечно же, об *Александре Михайловиче Орлове*. Это – знаковый советский разведчик, который представлял в Испании НКВД.

Справедливости ради стоит заметить, что хотя и в разрозненном виде, но значительная часть этого «испанского досье» уже опубликована на страницах книги «Нелегалы наоборот». В то же время невозможно не обнародовать те замечания к книге, которыми после ее опубликования в частной переписке с автором этой статьи поделился французский исследователь Гийом Буржуа (автор самой последней на Западе монографии о «Красной капелле») [30].

Для начала стоит еще раз пояснить, что, присваивая потом отдельно взятым операциям этой схемы названия напитков, всю ее целиком британская SOE обозначала, как «*Pickaxe*», т.е. – «Кирка», «Кайло» или «Ледоруб». Как предполагает Б. О'Коннор, со стороны SOE это было своего рода «подначкой»: намеком на организованное перед войной НКВД убийство Льва Троцкого (ведь именно таким инструментом советский агент Рамон Меркадер нанес вождю революции смертельный удар).

Но если вынести за скобки «внутрицеховые шутки», в SOE оказались близки к истине: к организаторам убийства Троцкого имела отношение участница одной из первых двух операций в рамках схемы «Ледоруб», у которой тогда не было обозначения по какому-либо напитку (она была обозначена как «Ледоруб-I»). В рамках этой операции уже в январе 1942 г. из Англии во Францию была заброшена советский агент, польская еврейка Шифра Липшиц (по картотеке СВР «Хуанита»). А в своей автобиографии для Коминтерна она рассказала о таком эпизоде в Барселоне (орфография и пунктуация сохранены): «В декабре 1937 г. через товарища Меркадер я имела разговор с тов. Котовым... [Он] предложил мне выехать в Польшу с целью вести нам работу в пользу Советского Союза; я конечно согласилась на это» [26, л. 10].

«Котов» – это советский разведчик Наум Эйтингон, который в 1930-е годы работал в Испании, а в 1940 г. выступил организатором убийства Троцкого [см., напр.: 27, с. 56–65, 102–132]. В то же время, как следует из комментария Г. Буржуа, в книге «Нелегалы наоборот» недостаточно продуманным выглядит предположение, что «тов. Меркадер» – это *Рамон* Меркадер, т.е. непосредственный убийца Троцкого [4, с. 97]. Советское бесполое «тов. Меркадер» вполне может означать не Рамона, а его мать *Карридад* Меркадер. В принципе это же следует из изложенного детьми Н. Эйтингона [15, с. 29–59].

Другое дело, что, «отшлифовав» теперь «испанское досье» участников схемы «Ледоруб», следует признать, что с описанием советских агентов – участников этой схемы – испанцев по происхождению – есть куда большие методологические проблемы.

Испанские интересы Лондона

Если Сталин и Франко были открытыми врагами (в июле 1941 г. в СССР даже выдвинулась франкистская «Голубая дивизия»), то Британия в течение всей Второй мировой войны поддерживала с Испанией дипломатические отношения [29, р. 68]. Однако с началом Второй мировой войны (и особенно после вторжения Гитлера в Югославию и Грецию) в Лондоне с тревогой ожидали германской экспансии и в Юго-Западную Европу [53, р. 158]. Британский исследователь Денис Смит отмечал: «Стратегическое положение Испании “верхом” на морских, [британских] имперских и межконтинентальных коммуникациях делало ее отношение к войне ключевым для борьбы Британии за выживание» [46, р. 2].

После того как Германия «завязла» в СССР, Британия могла перейти в таких нейтральных странах от политики «ограничения урона» к «инвестированию политического капитала на будущее» [53, р. 162]. Однако в тот период британские дипломаты были фактически лишены доступа к испанским левым, которые после окончания Гражданской войны в Испании подверглись массовым репрессиям и находились в лучшем случае в подполье. В итоге в SOE «могли оправданно заявлять, что представляют уникальную нишу для общения с [такими кругами] в нейтральных странах» [53, р. 161], а контакты с НКВД расширяли сеть знакомств.

Тем не менее еще в 1941–1942 гг. все операции SOE в Испании должны были получать визу британского военно-морского атташе Алана Хиллгарта (на предмет того, чтобы не испортить отношения с режимом Франко) [53, р. 166]. Но уже к 1943 г. (когда из Англии на континент выдвинулась группа испанцев – участников операции «Оранж») SOE была нацелена на куда более активные действия, связанные с необходимостью не допустить поставки из

Испании в Германию вольфрама, необходимого Рейху для производства оружия [41].

Иными словами, к моменту отправки группы «Оранж» стратегические интересы Москвы и Лондона на этом направлении совпадали.

Пробелы с испанцами

Метод определения истинных личностей агентов – участников схемы «Ледоруб» за 1941–1942 гг. состоял в следующем. Во-первых, на основе документов TNA был составлен список из всех их имен и псевдонимов, известных британским иммиграционным властям, SOE и «Секрет интеллидженс сервис» (которая после расформирования SOE допрашивала плененных британцами гестаповцев, в свою очередь, во время войны допросивших пленных советских агентов). На следующем этапе этот список был сопоставлен с набором личных дел в РГАСПИ. Наконец, письмом из ВГТРК в СВР было запрошено наличие таких имен в картотеке советской / российской нелегальной разведки.

В итоге из 15 советских участников схемы «Ледоруб» за 1941–1942 гг. удалось достоверно определить 14 (за исключением загадочного «Петра Кульбицкого», принятого в Лондоне самим премьер-министром Черчиллем, но погибшего при неудачном приземлении на аэродроме «Темпсфорд» перевозившего его самолета британских Королевских ВВС).

При этом можно было ожидать, что известный организационный хаос, который сопровождал операции схемы «Ледоруб» на начальном этапе англо-советского сотрудничества в 1941–1942 гг., должен был к 1943 г. уступить место аккуратной и рациональной регистрации всего происходившего на пике сотрудничества SOE и НКВД / НКГБ. Реальность, впрочем, оказалась иной.

Операция «Оранж» с участием советских агентов-испанцев – одна из последних во всей схеме «Ледоруб». Однако по западным источникам выходит, что все, что о ней толком известно, – лишь то, что она была. Три агента-испанца были парашютированы в ночь с 14 на 15 сентября 1943 г. в районе французского Авиньона [36; 48]. И это, по сути, все (если не считать настоятельных британских просьб к советской стороне о предоставлении доказательств того, что это к тому времени уже очередное парашютирование советских агентов во Францию было согласовано со штабом Де Голля. Доказательства были предоставлены [44, р. 137]).

Не менее удивительно, что, согласно официальному ответу СВР на запрос ВГТРК, *ни одно* из известных SOE имен советских агентов-испанцев не обнаружилось в картотеке внешней разведки.

Тем не менее в том же ответе СВР содержится информация поистине системная для данного исследования: «Основное задание для всех [участников

схемы «Ледоруб» было] восстановить и наладить связь с нелегальными резидентами НКВД и ГРУ Г[енерального] Ш[таба] и подпольными организациями Коминтерна, обеспечить их бесперебойную связь с Центром и координацию с ними своей деятельности).

Именно этот пассаж заставил по-новому взглянуть на сведения об этих людях, которые все-таки удалось обнаружить в Коминтерновском фонде РГАСПИ.

**«Михаил Белов»
и другие «однофамильцы»**

О «Михаиле Белове» в британских документах говорится как о том, кто готовился к отправке в континентальную Европу и под французским именем «Michel Belfort», и под испанским именем «Miguel Gonzalez» (правда, без полагающегося в таком случае по правилам правописания испанского языка знаком ударения над буквой «а»; впрочем, англо-саксы «не грешат» такими «мелочами»), и со смешанной франко-испанской фамилией «Belfort Gonzalez» [44, р. 136]. Очевидно, в том числе это заставило британцев предположить в нем «испанского француза».

К сожалению, как и в СВР, в РГАСПИ материалов на людей с такими иностранными именами не обнаружилось. Зато в РГАСПИ нашелся Михаил Белов. Это – не первый случай, когда у советских агентов из числа урожденных иностранцев – участников схемы «Ледоруб» заграничный паспорт гражданина СССР был выписан на имя когда-либо реально существовавших сотрудников Коминтерна.

Например, участник операций «Ледоруб-II» и «Сотерн», родной брат будущей первой леди ГДР Лотте Кюн-Ульбрихт, Бруно Кюн, прибыл в Британию по заграничному паспорту СССР на имя «Пётр Кузнецов». Человек с таким именем и фамилией действительно состоял в рядах Коминтерна. Тот «Пётр Кузнецов» родился в деревне Хорево Пружанского уезда [23], земли которого попеременно входили то в Российскую империю, то в Речь Посполитую, то в СССР, а сегодня – это территория Республики Беларусь. Тот «Пётр Кузнецов» был активистом теперь уже почти всеми забытой Компартии Западной Белоруссии, которая, в свою очередь, числилась «филиалом» Компартии Польши².

2. В истории спецслужб эта партия мелькает в мемуарах «большого босса» советской разведсети, известной как «Красная капелла», польского еврея Леопольда Треппера. Он писал: «Сталин, готовивший сближение с нацистской Германией, твердо знал, что коммунисты Польши никогда не согласятся с этим противоестественным пактом, ибо он мог быть осуществлен только ценой ликвидации их страны. Тогда же были распушены западноукраинская и западнобелорусская партии» [см.: 28, с. 58].

Для Бруно Кюна очень кстати было как то, что к моменту его прибытия в Британию Компартия Западной Белоруссии была распущена, так и то, что реальный «Пётр Кузнецов» очень вовремя «исчез с радара», будучи осужденным за некую «аморалку»: в его личном деле в архиве Коминтерна находим намеки на какой-то аборт у какой-то его прислуги, с которой он сожительствовал. Кстати, западнобелорусский «Пётр Кузнецов», в свою очередь, – псевдоним человека, известного как «Мишка Брестский», настоящее имя которого Новик Михаил Михайлович [23]. Больше того, год его рождения – 1900, а у Кюна – 1901. То есть в данном случае Коминтерн явно постарался и помог советскому агенту прибыть в Британию под именем де-факто ровесника, до подноготной которого из Западной Европы было уже совершенно невозможно докопаться.

А что же Михаил Белов, под именем которого в Британию прибыл некий испанец – участник операции «Оранж»? Проблема с ним заключается в том, что тот «Михаил Белов», который добрался до Соединенного Королевства, должен был родиться (по паспорту) в 1917 г. Однако в картотеке Коминтерна Михаил Белов – это некий уроженец деревни Глинка (на карте России деревни с таким названием две: в Истринском районе Подмосковья и Тосненском районе Ленинградской области). Тот Белов был... *самокатчиком* Коминтерна, а дело на него было заведено в 1921 г. [20, л. 1] «Нашему» Белову в тот момент должно было быть четыре года. То есть это – совершенно точно два разных человека.

И тем не менее не будем отказывать и «Михаилу Белову», прибывшему в Британию, в, скажем так, коминтерновском происхождении. В конце концов в истории схемы «Ледоруб» есть и еще один человек, которого снабдили личностью сотрудника Коминтерна, чья биография не очень соотносилась с носителем соответствующего советского паспорта. А именно: участник операции «Ром» француз Даниэль Жорж, снабженный паспортом на имя «Иван Данилов». Настоящий сотрудник Коминтерна Иван Данилов – рабочий по происхождению [24] был женат на неграмотной посудомойке Анастасии Константиновне с похожей на его деревенской фамилией Данилкина [25]. Недостаток этой «легенды» – в том, что когда настоящий Иван Данилов появился на горизонте международного коммунистического движения (при своем командировании на III Конгресс Коминтерна Карельским обкомом РКП (б)), о нем сообщалось, что он владеет только русским языком [24].

В целом стоит признать, что никаких дополнительных сведений об участнике операции «Оранж» «Михаиле Белове» нет.

«Антон Марсов»

Напомним, что в 28-летнем «Антоне Марсове» британцами был замечен «возможно испанец, но хорошо владеющий французским и имеющий родственников во Франции, веселый, общительный». Также из документов SOE следует, что из Британии на континент он собирался под именем «Antoine Martin».

Ни то, ни другое имя не значится ни в личных делах коминтерновцев, хранящихся в РГАСПИ, ни, как уже сказано, в картотеке разведчиков – нелегалов СВР.

Тем не менее стоит обратить внимание на то приводящееся в западных источниках обстоятельство, что ни о «Марсове»-«Martin», ни о ком-либо другом из участников операции «Оранж» ничего не знали и в Лондоне: в смысле информации о том, чем обернулась их миссия и какова была их послевоенная судьба. Между тем почти обо всех остальных участниках схемы «Ледоруб» сведения есть: одни погибли при переброске (операции «Ледоруб-II» и «Виски»), другие, поработав в оккупированной Европе, были схвачены и казнены гестапо (операции «Ледоруб-I», девушка из группы «Ром», «Бургундское», «Тоник»), третьи пережили войну и сделали карьеру в политике (мужчины из группы «Ром»).

А что же участники таких операций, как «Оранж»? Почему о них нет никаких сведений?

Первый предварительный вывод: речь идет об удачной операции, чьи участники выполнили задание.

«Иван Русаков».

Он же Артуро Кабо Мартин?

Упомянутый выше Донал О'Салливан предположил в «Иване Русакове» небезызвестного коминтерновца Артуро Кабо Мартина [45, р. 85] (в некоторых документах Марина без «т»; такая испанская фамилия также существует). Разберем эту версию.

На этого человека в РГАСПИ есть весьма детальное досье. Например, перед Великой Отечественной войной он был прописан в Москве по такому престижному адресу, как ул. Горького, 36, комната 378 [17, л. 18], влившись в ряды тех, кого называли «совиспанцами». Заглянем, однако, и в «глубины» его биографии, когда он жил еще на Пиренейском полуострове.

Артуро Кабо Мартин родился 9 июля 1909 г. в Мадриде [17, л. 1], происходил из рабочей семьи, сам в 1931–1932 гг. также был рабочим – типографом. В Коммунистический союз молодежи Испании вступил в 1928 г., в Компартию Испании в 1930 г. [17, л. 2].

Из ранней партийной биографии: провел в СССР «полтора месяца в 1933–1934 гг. на пленуме К[оммунистического] И[нтернационала] М[олодежи] и на VI Конгрессе КИМ» [17, л. 24]. Очевидно, в тот же приезд в Советский Союз «окончил краткосрочный курс М[еждународной] Л[енинской] Ш[колы]» [17, л. 2], т.е. главного учебного заведения Коминтерна. Из автобиографии: «Занял должность секретаря организации ЦК КСМ в 1933–34 гг.». Еще до начала Гражданской войны в Испании «в октябре 1934 г. по решению ЦК был послан в Севилью, где занимал руководящую должность в Союзе коммунистической молодежи до марта 1938 г.» [17, л. 12].

Там же в Севилье была его семья. Из справки кадровиков от 1939 г.: «Женат на Марии дель Кармен Альварес Перальто. [Она] проживает в Севилье с 2-летней дочерью» [17, л. 22]. Сам он писал: «Моя жена – коммунистка. В 1931 г. ее задерживали в Малаге» [17, л. 24].

В марте 1938 г. Артуро бежал из Севильи, «так как город находился в руках фашистов». Перебравшись к республиканцам, «с апреля 1938 г. по март 1939 г. работал в Исполнительной Комиссии объединенной социалистической молодежи как ответственный за профсоюзную работу военной авиации в качестве главного администратора» [17, л. 12].

Но все явно было не так просто. Уже не из автобиографии, а из оценок кадровиков: «Характеризуется очень преданным и способным, но в связи с тем, что долгое время пробыл в фашистской зоне, – несколько отстал от развития и постановки вопросов молодежи в Испании» [17, л. 2]. Кстати, трудно удержаться от того, чтобы хотя бы в скобках не задать вопрос: не такие ли ремарки стали предтечей появления в советских анкетах приснопамятного пункта о пребывании на оккупированных территориях?

Пожалуй, самая интригующая часть из автобиографии: «В Севилье скрывался, хотя вел одновременно организационную работу, а также информационную и был связан с П. через Гибралтар (недолгое время находился под арестом)» [17, л. 22].

Кто такой «П»?

Кто такой «П», обозначенный лишь инициалом даже в закрытом документе Исполкома Коминтерна?

В подробнейшей работе о Гибралтаре во время испанской Гражданской войны, которую подготовил испанский исследователь Хулио Понсе Альберка, приводится довольно обширный список тех, кто, будучи в британской колонии Гибралтар, со всех сторон окруженной франкистским сектором Испании, оставался верен Республике или испытывал к ней симпатии. В 1936 г. это – и.о. консула Испании Альфонсо Диас Паче, а также консулы Рамон Пенья Орельяна и Пласидо Альварес Буйлья. Из местных деятелей к симпатизи-

рующим Республике отнесен профсоюзный лидер Хуарт [29, р. 68]. Из числа британских журналистов, базировавшихся на Гибралтаре и относившихся к «прогрессивным» СМИ, – корреспондент лондонской «Дэйли экспресс» Ноэл Монкс [29, р. 73]. Кроме этого отмечается, что «Республика могла положиться на шпионские услуги таких способных профессионалов, как Харролд Филби, Херберт Грин и Артур Кёстлер». В последнем случае речь идет о позже осевшем в Британии писателе венгерского происхождения, который, будучи эмиссаром Коминтерна, в 1937 г. был арестован франкистами как раз в Севилье [29, р. 74], где одно время базировался Артуро Кабо Мартин. Однако его имя не таково, чтобы его можно было обозначить инициалом «П».

По сути, единственные из всего приведенного списка, у кого в начале имени или основной фамилии имеется буква «П», – это два последних республиканских консула: *Ленья Орельяно* и *Пласидо Альварес*. Но первый из них в этой должности пробыл недолго, а последний, насколько известно, был «разочарован репрессиями на республиканской стороне» [29, р. 68].

Впрочем, кем бы ни был загадочный «П», из биографии Артуро следует много еще чего интересного.

Артуро в СССР

Из дела РГАСПИ: «20. III. 1938 на американском пароходе пробрался из Севильи через Касабланка, Оран, порт Вендес в Барселону» [17, л. 34]. Из автобиографии от 22 октября 1940 г. в том же деле: «Уехал из Испании 28. III. 1939 на пароходе. На пароходе находился один месяц в Оране, откуда был направлен в концлагерь в Алжир. В VII. 1939 прибыл в СССР» [17, л. 12]. Согласно лаконичной записи в электронной базе данных французских «маки», в 1939 г. (правда, почему-то в мае, а не летом, о котором шла речь в документах Коминтерна) он прибыл в Ленинград из Гавра [31].

Однако ему доверяли, несмотря и на такие зигзаги биографии, и даже на крамольное для СССР наличие родственников за границей (в справке кадровиков Коминтерна от 6 декабря 1940 г. подчеркнуто, что «все родственники находятся в Испании, в том числе его жена» [17, л. 11]; из еще одной рукописной справки без подписи: «Родственники остались в Испании. Сведений о них не имеет с 1939 г.» [17, л. 31]).

В Москве Артуро получил работу в «Издательстве литературы на иностранных языках», где у него стала устраиваться карьера. По крайней мере, 7 декабря 1940 г. встал вопрос о переводе его в штат как корректора [17, л. 9]. Но, судя по всему, в Москве у него была и, скажем так, параллельная жизнь, в которой он занимался не только идеологической, но и весьма особой подготовкой.

От руки в справку о нем под грифом «Секретно» было внесено: «Был командирован на спецкурсы по усвоению нелегальной техники (у т. Соркина). Белов. Благоева» [17, л. 32]. И далее: «С XI. 1939 г. в С[оветском] С[оюзе] для спецучебы. Хороший отзыв от тт. Соркина и Каца. Благоев» [17, л. 33]. Эти курсы, как следует из даты еще одной «справки» (29 мая 1940 г.), где упоминается такая «спецучеба» [17, л. 6], продолжались как минимум полгода.

Для разъяснения того, что это была за «спецучеба», процитируем три документа. Первый:

«Заключение: Тов. КАБО АРТУРО МАРИН... имеет опыт работы в нелегальных условиях. Подготовлен в части нелегальной парттехники. Политически развитый преданный член партии. На работе в СССР проявил себя положительно. Белов. Благоева. 9 сентября 1942» [17, л. 27]. Стоит обратить внимание на выражение «*парттехника*». Речь идет явно не о НКВД или ГРУ, а все о том же Коминтерне.

В то же время после начала Великой Отечественной в дело Артуро подшивают и такой документ:

«Секретно.

Генеральному секретарю ИККИ

Тов. Димитрову.

Отдел кадров ИККИ представляет на Ваше разрешение предложение о командировании на участок №. 15 испанских тов. АРТУРО КАБО и ЛУИС ГУЙОН.

Эти двое товарищей настаивают быть мобилизованными в особых отрядах *НКВД* (курсив мой. – С. Б.). Ввиду того, что АРТУРО КАБО является партийно-комсомольским работником с нелегальным опытом (1936–1938 в Севильи [так в тексте. – С. Б.]) <...> мы считаем более целесообразным их сохранение в качестве партийного резерва и подготовки их в партшколе.

Наше предложение согласовано с т. ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ и ХЕЗУС ЭРНАНДЕС (так в тексте. – С. Б.).

Зав. отделом кадров ИККИ

ГУЛЯЕВ

10 октября 1941 г.

№/ 42995

17377» [17, л. 30].

И совершенно очевидно, к какому его прикомандировывают *направленно*:

«Тов. Димитрову.

Товарищ АРТУРО КАБО, член К[оммунистической] П[артии] *Испании*, утвержден для использования на партработу в *стране* (курсив мой. – С. Б.), явился в наше распоряжение <...>

Белов.

16 октября 1942 г.

№. 2784/с» [17, л. 25].

Обратим внимание на дату последнего из процитированных документов: 16 октября 1942 г. Примечательно, что как раз около этого времени, а именно 3 октября 1942 г., миссия связи SOE в Москве сообщила в Русскую секцию SOE в Лондоне о необходимости подготовить инфильтрацию четырех «ледорубов» в район Марселя [44, р. 136], откуда до границы с Испанией всего около 300 км по суше и около 200 по морю. Правда, согласно записям SOE, в Британию анонсированная группа прибыла в составе лишь трех человек и только 17 июня 1943 г. [44, р. 136; 50, sh. 18; 51]. Но район высадки остался, по сути, прежним: Авиньон северо-западнее Марселя, и он также «смотрит» на Испанию.

Итак, с одной стороны, как и предполагает Донал О’Салливан, 34-летний Артуро Кабо Мартин вполне мог быть 30-летним «Иваном Русаковым», которого через НКВД прислали в Британию для переброски на континент в рамках операции «Оранж». Сходятся даже косвенные детали. Например, британцы описывали «Ивана Русакова» как испанца, владевшего лишь азами французского или русского. В справке кадровиков Коминтерна о том, что касается знания Артуро других языков, кроме родного, сказано, что «[он] знает немного французский» [17, л. 22], а про русский вообще не говорится. При этом его французский явно был лишь базовым: в анкете сам он писал, что «знаю только испанский язык» [17, л. 1].

О Т В Е Т Ы:	
ы:	
тво (псевдо-ампли или зать старые	К А В О Артуро Марин
ния старого (деревня) и йон и село)	1909 г.9.Уш. в г.Мадрид
кождение.	ра
литель все указанием	с
оме рус-владеете	знаю только испанский язык

И тем не менее версия Донала О'Салливана становится шаткой при изучении целого ряда других обстоятельств.

Во-первых, в той же характеристике на «Ивана Русакова» из SOE говорится, что он «маленький, чернявый». И хотя рост Артуро неизвестен, с его фотографии в личном деле в РГАСПИ на нас смотрит человек, конечно, южного типа, но не тот, кого можно описать «чернявым». Допустим, что это – субъективный взгляд.

Во-вторых, объективно также, что британцам «Иван Русаков» был известен и как «Jean Roussel» [45, р. 85; 50]. Личные дела из фондов РГАСПИ на людей с такими (или почти такими) именами нами еще не были изучены, но такие дела есть.

«Иван Русаков». Он же «Jean Roussel»?

В фонде «Коминтерн» в РГАСПИ есть Rousselet Jean. Очень похоже! На русском – Русс[е]ле Жан [19, л. 1].

Отдельная тема в его личном деле – то, что он подал заявление о приеме (точнее о возвращении) в Компартию Франции (ФКП). Дело в том, что он был «исключен из партии за то, что подал заявление о выходе из партии в знак солидарности с Андрес... Признает свою политическую ошибку» [19, л. 1–2]. Возможно, знатоки микро-эпизодов в истории ФКП знают, кто такой этот Андрес (скорее, конечно, «Андрэ»). Как бы то ни было, случилась эта история в 1929 г.

Строго говоря, о личном деле «Русселе» в РГАСПИ можно было бы забыть (ибо больше там ничего и нет), если бы не одно «но». Незадолго до описываемых событий в 1927 г. из ФКП вышел еще один ее активист. До сих пор по линии СВР он проходил как «Густав» [9, с. 236]. Однако к тому, что несколько лет назад написали о нем в «Истории российской внешней разведки», теперь можно добавить сведения, изложенные в ответе СВР на запрос ВГТРК. А именно: «Густав» – это «Генри», «Кулаков», еще конкретнее – Мариус Онель.

Приведем цитату из ответа СВР:

«С 1927 по 1940 гг. под руководством Серебрянского “Генри” создал во Франции группу агентов и стал резидентом этой группы. Он также руководил нелегальными резидентами в Румынии и Польше, и через него осуществлялась связь с нелегалами-одиночками в Латинской Америке, США и Италии.

За этот период под его руководством и при личном участии был выполнен ряд специальных заданий органов ОГПУ-НКВД, в том числе:

1. Ликвидация руководителя РОВСа генерала Кутепова, за что “Генри” был награжден в 1930 г. орденом Красного Знамени и принят в совгражданство;

2. Похищение архива Троцкого;
3. Перлюстрация корреспонденции Седова (сына Троцкого);
4. Подготовка к похищению Седова (в связи с его смертью задание отпало);
5. Установка микрофона на квартире у Лана;
6. Создание авиафирмы с двумя пассажирскими самолетами».

В самом же начале этой справки из СВР значится следующее: «В 1927 г. “Генри” был завербован в Париже Серебрянским (“Яша”) и по его указанию отошел от партии». Вот и герой по имени «Jean Roussel». Возможно, его повторное вступление в ФКП связано именно с тем, что на самом деле он начинал работать на советскую разведку.

Впрочем, в фондах РГАСПИ имеется и никак не менее интересное личное дело на того участника схемы «Ледоруб» и участника операции «Оранж», кто изначально числился как «Иван Русаков».

«Иван Русаков». Он же Хуан Руис Гомес?

«Иван Русаков» в РГАСПИ – это псевдоним, присвоенный в СССР выходцу из Испании Хуану Руису Гомесу [20].

Этот «Иван» / Хуан – пилот испанской республиканской авиации, еще точнее – авиатор – *курсант* авиашколы в городе Кировабад (ныне г. Гянджа) тогдашней Азербайджанской ССР.

Через ту школу прошли четыре *набора* испанских летчиков-республиканцев, отправленных в СССР, чтобы *спеишо* научиться пилотировать советские самолеты, которые в Испании называли «Моска» (созвучно с «Москва»), но на самом деле «Муха» или «Мошка») и «Катюшка» (т.е. советский истребитель Поликарпова И-16 и советский бомбардировщик Туполева АНТ-40).

Первые три набора успели пройти обучение и вернуться из СССР в Испанию. Четвертый набор попал в СССР на закате Гражданской войны, и, когда под ударами франкистов пали Мадрид и Барселона, остался в стране Советов. Кого-то из них ждала по-настоящему звездная карьера. Например, в незаслуженно забытом теперь советском документальном фильме «Тревожное небо Испании» по сценарию Бориса Добродеева-ст. впервые было рассказано о том, как в 1943 г. в том числе испанские летчики – выпускники авиашколы в Кировабаде – сопровождали самолет Сталина при перелете из Баку на конференцию в Тегеране.

Но изучим биографию того, кто нас интересует в контексте данной статьи.

Хуан Руис Гомес родился 25 августа 1918 г. в Андалусии³. Из его автобиографии, написанной уже в Москве, но на испанском (кстати, без тех самых

3. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой.

ударений, наличие которых на письме отличает образованного испаноязычного), узнаем, что образование у него было начальным, а по профессии он – цирюльник [18, л. 3–5].

На фронтах Гражданской войны в Испании он находился с 7 октября 1936 г. [18, л. 3]: доброволец народного ополчения в составе 1-й группы артиллерии [18, л. 7]. Как он попал в авиацию, неясно. Но в 1938 г. Гомес отправился в авиашколу с СССР в составе нескольких групп, отпльвших из Барселоны в Ленинград на борту советских пароходов «Кооперация», «Мария Ульянова» и «Смольный»⁴. 8 октября 1938 г. он прибыл в СССР [18, л. 6] и учился в Кировабадской летной школе [18, л. 3], где про него было замечено, что он «недисциплинирован и [отличается] отсутствием интереса»⁵. Возможно, поэтому он оставался беспартийным [18, л. 3–5], но это обстоятельство Хуан «исправил» уже к началу Великой Отечественной войны. Как гласит архив города Саламанка, в 1940 г. в СССР он вступил если не в коммунистическую партию, то хотя бы в комсомол⁶. Материалы РГАСПИ уточняют, что произошло это, когда он работал в Ростове-на-Дону, на «Ростсельмаше» [18, л. 6–7] (к сожалению, довоенный архив отдела кадров завода не сохранился⁷).

По информации президента ADAR Акилино Маты, многие экс-курсанты авиашколы в Кировабаде оказались тогда и на других предприятиях советской социалистической индустрии: в Ростове-на-Дону и Харькове, в Коломне и Челябинске, в Одессе, Симферополе, Брянске, Ворошиловграде, Самарканде, Киеве, Орджоникидзе и Москве⁸.

В полном соответствии с этим краткая биография Хуана Руиса Гомеса, опубликованная недавно в испанской газете «Ла Опионион де Малага», гласит, что он работал в Ростове и Орджоникидзе, а в годы Второй мировой сражался в партизанах [39]. Словом «партизаны» в СССР кодировали участие и в таких операциях, как «Ледоруб».

«Иван Русаков» – Хуан Руис Гомес?

«Иван» – Хуан

Никаких сомнений не остается при сравнении двух фотографий: той, что была сделана британцами при транзите «Ивана Русакова» через Британию, и той, что еще в 1981 г. была опубликована в Испании как фотография Хуана

4. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой.

5. *Fondo Enrique Zafra depositado en el Archivo de Salamanca (CDMH)*. (Переписка автора с Луизой Иордаче.)

6. Там же.

7. Переписка автора с собственным корреспондентом ВГТРК в Ростове-на-Дону Вероникой Богмой.

8. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой.

Руиса Гомеса (она была любезно предоставлена автору через ADAR доктором Университета Барселоны Давидом Иньигесом).

Fotografía que aparece en el libro de SERNA MARTÍNEZ, ROQUE: Heroísmo español en Rusia. Autoeditado en 1981⁹.

Не нужно быть экспертом-физиономистом, чтобы, несмотря на низкое качество фото, сделанного в Британии, увидеть: это – безусловно один и тот же человек. Главная примета – сросшиеся брови. Кстати, они дают ощущение той самой «чернявости», о которой писалось в характеристике SOE. И еще одна деталь: 25-летний Хуан выглядит, конечно, значительно старше своих лет. Впрочем, не будем забывать, что южане раньше взрослеют и мужают. Их возраст определить сложнее.

Правда, подпись к фотографии, опубликованной в Испании, гласит, что на ней – «партизан, который сражался в Крыму и других местностях СССР». Впрочем, это не означает, что в 1940-х годах он не мог появиться в Британии. Тем более что в 1981 г., когда было опубликовано это фото, ни советские, ни даже британские документы о схеме «Ледоруб» еще не были рассекречены.

Что касается биографии вчерашнего курсанта авиашколы в Кировабаде испанца Хуана Руиса Гомеса в период до начала Великой Отечественной войны, то на этот счет имеем еще одно важное уточнение от президента ADAR: «Из примерно ста курсантов 4-го набора авиашколы в Кировабаде, изъявив-

9. Переписка автора с Давидом Иньигесом.

ших желание остаться в СССР, 44 были отобраны для развед- и политического обучения в спецшколе наркомата обороны неподалеку от Москвы»¹⁰.

Для нашего исследования это – важное уточнение. Если речь идет о наркомате обороны Союза ССР, то не удивительно, что в картотеке СВР нет ничего ни об «Иване Русакове», ни о Хуане Руисе Гомесе. Получается, что он был агентом не НКВД / НКГБ, а разведуправления Красной Армии, т.е. ГРУ. Архивы этого ведомства остаются недоступными.

«Ниша» для Артуро

Точно распознав Хуана Руиса Гомеса в «Иване Русакове», вернемся ненадолго к вопросу о том, мог ли быть участником операции «Оранж» Артуро Кабо Мартин. В базе данных французских «маки» содержится запись, сообщающая, что в 1941 г. Артуро выдвинулся в Англию, откуда был переправлен во Францию с целью осуществления «тайных миссий» в Испании [31]. Как уже отмечено выше, по документам SOE в TNA выясняется, что группа «Оранж» прибыла в Британию только в 1943 г. Впрочем, если допустить, что Артуро отправился на континент именно в составе группы «Оранж» (допустим, дождавшись ее в Англии), то теоретически «кандидатами» на то, чтобы оказаться им, могут быть два других участника операции, известные, как «Михаил Белов» и «Антон Марсов».

Практически же, во-первых, учитывая упомянутые выше особенности возмужания южан, 34-летний Артуро вполне мог выдавать себя и за 27-летнего «Белова», и за 28-летнего «Марсова». Во-вторых, характеристика кадровиков Коминтерна гласила, что Артуро «имеет склонность к созданию личных дружеских связей» [17, л. 2]. Характеристика же SOE, напомним, называла «Михаила Белова» «жизнелюбивым, болтливым», а «Антон Марсова» «веселым, общительным». То есть он мог быть и тем, и другим.

Однако «Марсова» все-таки исключим. Британцы о нем писали как о человеке, «хорошо владеющим французским и имеющим родственников во Франции». К Артуро это не относится. Иными словами, можно осторожно допустить, что в группе «Оранж» агент «Михаил Белов» – это Артуро Кабо Мартин.

Если это так, то нет ничего удивительного, что в одной группе могли оказаться и подготовленный ГРУ Хуан Гомес, и коминтерновец Артуро Кабо Мартин, в чьем досье в РГАСПИ прослеживается связь с НКВД. Такие смешанные межведомственные группы встречаются на многих этапах осуществления схемы «Ледоруб». Возможно, самым ярким примером является то, как с разницей в несколько дней в 1942 г. в Европу были заброшены разведчики –

10. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой.

отец и сын Круйты. Отец, пастор Вилли Круйт, представлял разведку НКВД (в картотеке СВР – агент «Электрик»). О его сыне Нико в ответе СВР на запрос ВГТРК выдвигается предположение, что «в тыл врага [он] был по-видимому направлен по линии ГРУ ГШ». Собственно, как хорошо известно, несмотря на все формальные запреты по линии ЦК, совместные операции (и даже резидентуры) разведок ОГПУ–НКВД, РУ РККА и Коминтерна не были чем-то единичным еще до войны [см., напр.: 9, с. 313–314; 10; 12; 13; 14; 29; 30].

Из базы данных «маки» следует, что в 1946 г. Артуро был в Тулузе администратором журнала испанской компартии «Mundo Obrero» («Рабочий мир»). То есть, очевидно, выполнив «тайную миссию» в Испании, Артуро не стал возвращаться в СССР, осев на Западе [31]. Между тем в его личном деле в РГАСПИ есть загадочная рукописная пометка: «Совершенно секретно. Согласно сообщению К[оммунистической] П[артии] [Испании], см. N ОП-11655 от 11 декабря 1951 г. Артуро Кабо оказался провокатором. А. Орлов. 17 декабря 1951 г.» [17, л. 1].

Никаких пояснений в деле не содержится. И все-таки, зная послевоенный «крутой маршрут» Хуана Руиса Гомеса, можно предположить, о какой «провокации» речь шла и в случае с Артуро.

Судьбы

Как и Артуро, Хуан выжил в войну, после которой работал в Москве на некой «фабрике № 30». Однако осенью 1948 г. его... арестовали и дали десять лет лагерей [39]. Попробуем разобраться, за что он получил такой суровый приговор.

По просьбе президента ADAR Акилино Маты справки о том периоде в жизни испанской общины в СССР подготовили для автора этой статьи Роса Санс (дочь последнего из пилотов-республиканцев Анхеля Санса, кто еще оставался в живых в XXI в. и хранил память о своих товарищах по авиашколе) и барселонская исследовательница Луиза Иордаче, которая, несмотря на свое румынское происхождение, считается в сегодняшней Испании главным экспертом по теме «совиспанцев».

Из данных от Росы Санс: «Аресты 1946–1949 гг. и приговоры на восемь, десять и пятнадцать лет лагерей последовали за “антисоветскую пропаганду” и “шпионаж”. В эти сети попались пилоты Хуан Беллоби Роиг, Хосе Туньон Альбертос, Мигель Гомес Сапатеро, Хосе Антонио Рамирес Рейес, Хуан Бласко Кобо и Хуан Руис Гомес»¹¹.

Из пояснений Луизы Иордаче: «Аресты 1946–1949 гг. последовали в годы, когда [в среде “совиспанцев”] возродилось желание уехать из СССР. Как

11. Переписка автора с президентом ADAR Акилино Матой

объяснял один из беженцев, “к сожалению, в советских органах и испанской [Коммунистической] партии [в изгнании] не было недостатка в тех, кто политизировал проблему, интерпретируя желания воссоединиться с семьями как преступление, связанное с неблагодарностью к родине пролетариата”. К приговорам приводили критика советского режима и визиты в иностранные посольства» [37, р. 98].

Судя по всему, «провокация» со стороны таких людей, как Хуан Руис Гомес и Артуро Кабо Мартин, и состояла в желании вернуться на историческую родину или хотя бы быть к ней поближе (не будем забывать, что в 1946 г. Артуро был во Франции). Хуан же в итоге работал как заключенный номер 5110/37 на лесоповале под Иркутском [39]. По иронии судьбы, в ГУЛАГе соседями испанцев-республиканцев оказывались взятые в плен на советско-германском фронте испанцы-франкисты из «Голубой дивизии» [39].

По данным и Росы Санс, и Луизы Йордаче, все перечисленные выше испанцы были после смерти Сталина реабилитированы и смогли вернуться в Испанию. Но не Хуан Руис Гомес. В постановлении Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС от 27 ноября 1958 г., хранящемся в РГАСПИ, читаем: «Считать нецелесообразным выезд его и жены РУИС / ПЕТРОВОЙ / ВАИСЯЦКОЙ Ольги Михайловны с сыном Энрико 1957 г. р.». Против выступил КГБ, так как они «работают на предприятиях, имеющих особый режим» [18, л. 1–2].

По информации Акилино Маты и газеты «Ла Опинион де Малага», в 1960 г. Хуан вступил в партию, а потом работал переводчиком в Баку [39]. Судя по всему, именно в ГУЛАГе он и освоил русский язык в той степени, что смог стать переводчиком.

Вполне вероятно, к этой «саге» еще можно будет вернуться: она требует дополнений. Так, до сих пор непонятно как то, с каким *заданием* эта троица была направлена на континент, так и *куда конкретно направилась* после приземления на юге Франции. Британцы, боясь конфликта с Де Голлем, специально оговорили в своей внутриведомственной переписке, что «если возникнут вопросы, мы скажем, что наше понимание состояло в том, что группа направлялась в Испанию» [49; 44, р. 136]. Больше того, в Лондоне и исходили из того, что для «Оранжа» юг Франции – лишь транзитная зона на пути в Испанию [49; 44, р. 137].

Возможно, группа «Оранж» действительно добралась до родной Испании, и Хуан Гомес повидал своих родственников. Возможно, уже после выполнения задания, будучи выведенным в СССР, он захотел вернуться на родину окончательно, но вместо этого попал в ГУЛАГ, а потом стал невыездным.

По отрывочным данным, Хуан скончался в СССР в 1970 г.¹² Об Артуро известно, что он дожил до 1992 г. [31].

Библиография

1. Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.
2. Антонов В. Секретные миссии Ивана Чичаева. Консул, резидент, посланник // Военно-промышленный курьер. 2009. № 39 (305). 7 окт. С. 11.
3. Бондаренко А. Фитин. М.: Молодая гвардия, 2015. 398 с.
4. Брилёв С.Б., О'Коннор Б. Разведка. «Нелегалы» наоборот: сотрудничество спецслужб Лондона и Москвы времен Второй мировой. М.: АСТ, 2019. 502 с.
5. Брилёв С.Б., О'Коннор Б. «Нелегалы наоборот». Разведка. Девушки // Международная жизнь. 2018. № 3. С. 109–124.
6. Брилёв С.Б., О'Коннор Б. «Нелегалы» наоборот. Многоликая француженка // Международная жизнь. 2018. № 6. С. 106–119.
7. Брилёв С.Б. «Мундиаль» – слово все-таки и русское // Международная жизнь. 2018. № 7. С. 164–181.
8. Брилёв С.Б. Настоящий пастор Шлаг. «Электрик» // Международная жизнь. 2019. № 1. С. 172–196.
9. История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. М.: Международные отношения, 2014. Т. IV: 1941–1945. 694 с.
10. Колпакиди А.И., Север А. Разведка в Великой Отечественной войне. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 732 с.
11. Колпакиди А.И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М.: Яуза: Экспо, 2010. 603 с.
12. Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки: в 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.
13. Коминтерн и Вторая мировая война: в 2 т. М.: Памятники исторической мысли, 1994.
14. Линдер И., Чуркин С. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна 1919–1943. М.: РИПОЛ классик, 2005. 686 с.
15. Малиновская М.Н., Эйтингон Л.А. На предельной высоте. Великий Новгород: Великолукская гор. тип., 2009. 254 с.
16. Марданов М.Х. Коминтерн в Башкирии в годы Великой Отечественной войны: интернационализм и содружество ради Великой Победы // Вестник ВЭГУ, 2015. № 3 (77). С. 114–123.
17. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 220. Д. 1422.
18. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 220. Д. 794.
19. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 7526.
20. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 5078.
21. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 187. Д. 2631.
22. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6853.
23. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 11581.
24. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 270.
25. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 271.
26. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 252. Д. 9560.

12. Переписка автора с президентом АДАР Акилино Матой.

- 26 а. Советско-испанские отношения в период Гражданской войны в Испании 1936–1939 годов (12–14 сентября, Москва): программа междунар. конф. М.: ИВИ РАН; МГИМО, 2018. 13 с. URL: <http://igh.ru/system/events/programs/000/000/179/original/198ffd2368e13688c33f40ec059ee4342c3b8cb8.pdf?1536258735> (Дата обращения: 12.01.2018.)
27. Судоплатов П.А. Разведка в годы Великой Отечественной войны // Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. 688 с.
28. Треппер Л. Большая игра. М.: Политиздат, 1990. 382 с.
29. Alberca J.P. Gibraltar and the Spanish Civil War, 1936–1939. Local, National and International Perspectives / Transl. I.S. González. London & New-York: Bloomsbury Academic, 2015. 198 p.
30. Bourgeois G. La véritable histoire de l'Orchestre rouge. Paris: Nouveau monde éditions, 2015. 584 p.
31. Bulletin de l'Amicale des anciens guérilleros espagnols en France. 2006. n°104. 31 décembre // Los de la sierra 1936–1975. URL: <http://losdelasierra.info/spip.php?article8919> (Дата обращения: 12.05.2018.)
32. Cerreti G. Con Togliatti e con Thorez. Quarant'anni di lotte politiche. Milano: Feltrinelli, 1973. 387 p.
33. Dreyfus M., Lemarquis R., Pennetier C., Ravery J.P. Fromond Francine, Albertine [Pseudonyme à Moscou: Madeleine DUPUY] // Le Maitron: Dictionnaire biographique des fusillés guillotonnés et exécutés massacrés 1940–1944. URL: <http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article24419> (Дата обращения: 15.02.2017.)
34. Foot M.R.D. SOE. The Special Operations Executive 1940–1946. London: Pimlico, 1999. 401 p.
35. Gubern R., Hammond P., Buñel L. The Red Years 1929–1939. The University of Wisconsin Press, 2012. 445 p.
36. History of military operational parachute jumps // Special Forces Association. URL: http://www.specialforcesassociation.org/wp-content/uploads/2013/03/Combat_Jump_Record_03.07.2013.pdf (Дата обращения: 16.04.2017.)
37. Iordache Cârstea L. Instituto de ciencias políticas y sociales // Trocadero, (2013) n 25. P. 81–101.
38. Kitchen M. SOE's Man in Moscow // Intelligence and National Security. 1997. Vol. 12. N 3. P. 95–109.
39. Los nombres de la ignominia que mira al sur // La Opinión de Málaga. 2013. 03 de noviembre. URL: <https://www.laopiniondemalaga.es/malaga/2013/11/03/nombres-ignominia-mira-sur/628722.html> (Дата обращения: 18.08.2018.)
40. McLoughlin B. Proletarian cadres en route: Austrian NKVD agents in Britain 1941–43 // Labour History Review. 1997. January. P. 296–317.
41. Messenger D. Fighting for Relevance. Economic Intelligence and Special Operation Executive in Spain, 1943–1945 // Intelligence & National Security. 2000. Vol. 15. Is. 3. P. 33–54.
42. Milton G. The Ministry of Ungentlemanly Warfare: The Secret Organisation that Changed the Course of the Second World War. London: John Murray, 2016. 368 p.
43. Nollau G., Zindel L. Gestapo rift Moskau: Sowjetische Fallschirmagenten im 2. Weltkrieg. München: Heyne, 1980. 286 S.
44. O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthill, 2012. 224 p.
45. O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang, 2010. XI, 337 p.
46. Smyth D. Diplomacy and Strategy of Survival. British policy and Franco's Spain 1940–1945, Cambridge: Cambridge University Press, 1986. XI, 335 p.

47. Stafford D. Churchill and the Secret Service. London: John Murray, 1997. 386 p.
48. Tillet P. History of infiltrations into France // Le plan sussex. URL: http://www.plan-sussex-1944.net/anglais/infiltrations_into_france.pdf (Дата обращения: 02.12.2018.)
49. The National Archives, United Kingdom, London (TNA). HS 4/337.
50. The National Archives, United Kingdom, London (TNA). HS 7/278.
51. The National Archives, United Kingdom, London (TNA). KS 2/2827.
52. Tyas S. SS-Major Horst Tyas. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.
53. Wylie N. SOE and the Neutrals // Special Operations Executive. A new instrument of war. London: Routledge, 2006. P. 157–178.

References

- Adibekov G.M., Shahnazarova Eh.N., Shirinya K.K. Organizacionnaya struktura Kominterna. 1919–1943. M.: ROSSPEHN, 1997. 287 p.
- Alberca J.P. Gibraltar and the Spanish Civi War, 1936–1939. Local, National and International Perspectives / Transl. I.S. González. London & New-York: Bloomsbury Academic, 2015, ix, 198 p.
- Antonov V. Sekretnye missii Ivana Chichayeva. Konsul, rezident, poslanik // Voennopromyshlennyj kur'er. 2009. N 39 (305). 7 oktyabrya. P. 11.
- Bondarenko A. Fitin. 2-e izd. M.: Molodaya gvardiya, 2015. 398 [2] p.: il. (Zhizn' za-mechatel'nyh lyudej: ser. biogr.; vyp. 1554).
- Bourgeois G. La véritable histoire de l'Orchestre rouge. Paris: Nouveau monde éditions, 2015. 584 p.
- Brilev S.B. Nastoyashchij pastor Shlag. «Ehlektrik» // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2019. N 1. P. 172–196.
- Brilev S.B., O'Konnor B. «Nelegaly» naoborot. Mnogolikaya francuzhenka // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. N 6. P. 106–119.
- Brilev S.B., O'Konnor B. Razvedka. «Nelegaly» naoborot: sotrudnichestvo spetsluzhb Londona i Moskvyy vremen Vtoroj mirovoj. Moscow: AST, 2019. 502 p.
- Brilev S.B., O'Konnor B. «Nelegaly naoborot». Razvedka. Devushki // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. N 3. P. 109–124.
- Brilev S.B. «Mundial'» – slovo vse-taki i russkoe // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. N 7. P. 164–181.
- Bulletin de l'Amicale des anciens guérilleros espagnols en France. 2006. n°104. 31 décembre // Los de la sierra 1936–1975. URL: <http://losdelasierra.info/spip.php?article8919> (Data obrashhenija: 12.05.2018.)
- Cerreti G. Con Togliatti e con Thorez. Quarant'anni di lotte politiche. Milano: Feltrinelli, 1973. 387 p.
- Dreyfus M., Lemarquis R., Penetier C., Ravery J.P. Fromond Francine, Albertine [Pseudonyme à Moscou: Madeleine DUPUY] // Le Maitron: Dictionnaire biographique des fusillés guillotonnés et exécutés massacrés 1940–1944. URL: <http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article24419> (Data obrashhenija: 15.02.2017.)
- Foot M.R.D. SOE. The Special Operations Executive 1940–1946. London: Pimlico, 1999. 401 p.
- Gubern R., Khammond P., Buñel L. The Red Years 1929–1939. The University of Wisconsin Press, 2012. 445 p.
- History of military operational parachute jumps // Special Forces Association. URL: http://www.specialforcesassociation.org/wp-content/uploads/2013/03/Combat_Jump_Record_03.07.2013.pdf (Data obrashhenija: 16.04.2017.)

- Iordache Cârstea L. Instituto de ciencias políticas y sociales // Trocadero. 2013. N 25. P. 81–101.
- Istoriya rossijskoj vneshej razvedki: Oчерki: 6 vol. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014. Vol. IV: 1941–1945. 694, [1] p., [16] l. il., portr., faks.
- Kitchen M. SOE's Man in Moscow // Intelligence and National Security. 1997. Vol. 12. N 3. July. P. 95–109.
- Kolpakidi A.I., Sever A. Razvedka v Velikoj Otechestvennoj vojne. Moscow: Yauza: Ehksmo, 2010. 732, [2] p.
- Kolpakidi A.I. GRU v Velikoj Otechestvennoj vojne. Moscow: Yauza: Ehkspo, 2010. 603, [3] p.; tabl.
- Kolpakidi A.I., Prohorov D.P. Imperiya GRU. Oчерki istorii rossijskoj voennoj razvedki: 2 vol. Moscow: OLMA-PRESS, 1999. 2 vol.
- Komintern i Vtoraya mirovaya vojna: 2 vol. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1994. 2 vol.
- Linder I., Churkin S. Krasnaya pautina. Tajny razvedki Kominterna 1919–1943. Moscow: RIPOL klassik, 2005. 686, [1] p.; il., portr., faks.
- Los nombres de la ignominia que mira al sur // La Opinión de Málaga. 2013. 03 de noviembre. URL: <https://www.laopiniondemalaga.es/malaga/2013/11/03/nombres-ignominia-mira-sur/628722.html> (Data obrashhenija: 18.08.2018.)
- Malinovskaya M.N., Ehjtingon L.A. Na predel'noj vysote. Velikij Novgorod: Velikolukskaya gor. tip., 2009. 254 p.
- Mardanov M.H. Komintern v Bashkirii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: internacionalizm i sodruzhestvo radi Velikoj Pobedy // Vestnik VEHGU. 2015. N 3 (77). P. 114–123.
- McLoughlin B. Proletarian cadres en route: Austrian NKVD agents in Britain 1941–43 // Labour History Review. 1997. January. P. 296–317.
- Messenger D. Fighting for Relevance. Economic Intelligence and Special Operation Executive in Spain, 1943–1945 // Intelligence & National Security. 2000. Vol. 15. Is. 3. P. 33–54.
- Milton G. The Ministry of Ungentlemanly Warfare: The Secret Organisation that Changed the Course of the Second World War. London: John Murray, 2016. 368 p.
- Nollau G., Zindel L. Gestapo rift Moskau: Sowjetische Fallschirmagenten im 2. Weltkrieg. München: Heyne, 1980. 286 S.
- O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthill, 2012. 224 p.
- O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang, 2010. XI, 337 p.
- RGASPI. F. 495. Op. 220. D. 794.
- RGASPI. F. 495. Op. 270. D. 7526.
- RGASPI. F. 495. Op. 65 a. D. 5078.
- RGASPI. F. 495. Op. 187. D. 2631.
- RGASPI. F. 495. Op. 220. D. 1422.
- RGASPI. F. 495. Op. 252. D. 9560.
- RGASPI. F. 495. Op. 270. D. 6853.
- RGASPI. F. 495. Op. 65 a. D. 11581.
- RGASPI. F. 495. Op. 65 a. D. 270.
- RGASPI. F. 495. Op. 65 a. D. 271.
- Smyth D. Diplomacy and Stategy of Survival. British policy and Franco's Spain 1940–1945, Cambridge: Cambridge University Press, 1986. XI, 335 p.

Sovetsko-ispanskije otnoshenija v period Grazhdanskoj vojny v Ispanii 1936–1939 godov (12–14 sentjabrja, Moskva): programma mezhdunar. konf. M.: IVI RAN; MGIMO, 2018. 13 s. URL: <http://igh.ru/system/events/programs/000/000/179/original/198ffd2368e13688c33f40ec059ee4342c3b8cb8.pdf?1536258735> (Data obrashhenija: 12.01.2018.)

Stafford D. Churchill and the Secret Service. London: John Murray, 1997. 386 p.

Sudoplatov P.A. Razvedka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Specoperacii. Lubyanka i Kreml' 1930–1950 gody. Moscow: OLMA-PRESS, 1998. 688 p.

The National Archives, United Kingdom, London (TNA). HS 4/337.

The National Archives, United Kingdom, London (TNA). HS 7/278.

The National Archives, United Kingdom, London (TNA). KS 2/2827.

Tillet P. History of infiltrations into France // Le plan sussex. URL: http://www.plan-sussex-1944.net/anglais/infiltrations_into_france.pdf (Data obrashhenija: 02.12.2018.)

Trepper L. Bol'shaya igra. Moscow: Politizdat, 1990. 382 p.; il.

Tyas S. SS-Major Horst Tyas. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

Wylie N. SOE and the Neutrals // Special Operations Executive. A new instrument of war. London: Roulledge, 2006. P. 157–178.